

УДК 930.1

**ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О САМУРАЯХ:
ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОГО ВОЕННОГО СОСЛОВИЯ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Е.А. Павловская

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены представления европейских и американских исследователей о военном сословии Японии с момента открытия страны в 1853 г. до начала Первой мировой войны. Ценность изучаемых работ, до сих пор не привлекавших внимания российских историков, заключается в том, что их авторы пишут о самурайстве в период, когда оно ещё существовало. Проведённый анализ позволяет выделить и описать три этапа изучения японского военного сословия. Так, протонаучный период (до 1869 г.) характеризуется отсутствием устоявшейся терминологии, единого восприятия истории общественного устройства Японии, недоступностью источников и, как следствие, неточностью сведений. В центре внимания европейцев в это время находится сёгунат и высшая военная знать. В рамках ранненаучного этапа (1869–1894 гг.) начинается сотрудничество западных и японских учёных, активную деятельность разворачивают основатели западного японоведения – У.Дж. Астон, Б.Х. Чемберлен, У.Э. Гриффис и др., возникает Азиатское общество Японии. Особое исследовательское внимание сосредоточено на рядовом самурайстве как крупной маргинальной прослойке общества. Появление научно-популярного этапа (1894–1914 гг.) связано с военными победами Японии. В это время выходит большое количество популярной литературы, посвящённой японо-китайской и русско-японской войнам, в результате чего усиливается интерес к самурайству в целом и его этике в частности.

Ключевые слова: самураи, история Японии, историография

Из всего восточноазиатского региона Япония дольше всего оставалась закрытой для западного человека, а когда контакт с ней был налажен, показала миру невиданные ранее результаты сотрудничества Европы и Азии, за короткое время превратившись в передовую страну Востока. Она смогла не только быстро перестроить весь общественный порядок от экономики и политики до культуры и техники, но и доказать эффективность этих изменений военными победами над крупнейшими державами региона – Китаем (1895 г.) и Россией (1905 г.).

После 1853 г., когда путь в Японию оказался открыт, туда поехали учёные, дипломаты, журналисты, религиозные деятели, заставшие такие обломки феодального времени, как правление сёгуна и существование самурайства, пусть

и на этапе кризиса Токугава бакуфу. Они были единственными представителями европейско-американского мира, прикоснувшимися к умирающей эпохе, которая спустя три десятилетия отойдёт в прошлое, а общество изменится до неузнаваемости, позаимствовав у Запада его последние достижения. На их глазах военное сословие Японии агонизировало, боролось за жизнь и возрождалось в новом качестве – в этом ценность данных ими описаний. В настоящей статье будут рассмотрены работы, затрагивающие историю самурайства и изданные до Первой мировой войны (после неё ситуация на международной политической арене и отношения между США, Великобританией и Японией резко изменятся).

В исследуемый период произошло два ключевых события, изменивших общее отношение к самурайству, даймё и сёгуну. Речь идёт, во-первых, о Реставрации Мэйдзи 1868 г., в ходе которой был свергнут сёгунат, а самураи – его главная опора – стали общественными изгоями, и, во-вторых, о начале военной экспансии японцев на континент, когда их боевые успехи оказались в центре внимания европейцев. Названные события являются рубежами, разделяющими три этапа изучения самурайства западными исследователями.

Первый этап начинается с XVIII в., когда Япония не входила в сферу первоочередных интересов европейских держав и имела возможность поддерживать политику изоляции силой оружия. Путешественники, оказавшиеся там в это время, беспристрастно описывали нравы чужой страны как часть местной культуры (потом японские обычаи будут подвергнуты серьёзной критике). За неимением достаточных сведений о внутренней структуре военного сословия для обозначения званий и титулов использовались понятия, принятые в европейской культуре. Так, первый исследователь Японии Э. Кемпфер (1651–1716) именовал сёгуна “*secular Monarch*” (букв. «светский монарх») или “*Crown General*” (букв. «коронованный полководец»), а императора – “*daigū*”, то есть духовный наследственный монарх [1, App., p. 66]. Эти названия встречаются в дальнейшем, причём не ставится акцент на особенностях дуальной власти в Японии. Такое положение связано как с недостатком информации, так и со спецификой восприятия чужих обычаев, которое всегда происходит с долей допущения. Другой путешественник, К.П. Тунберг (1743–1828), сравнивает императора с Папой Римским [2, p. 122], а сёгуна обозначает как “*temporal emperor*” (букв. «временный правитель»). Он отмечает, что дуальная система правления воспринимается как норма, возникшая на основе сакрального положения первой и практически обоснованной позиции второй политических фигур. При характеристике даймё применялись такие понятия, как «герцог», «рыцарь», «наследный принц», «принц империи», без указания на внутреннее деление военного сословия; кроме того, не уточнялось, что имеется в виду – императорская или военная знать (см., например, [1, p. 413; 2, p. 110]). Такая практика сохранялась почти до 1868 г. Впрочем, винить этих авторов за неточность нельзя, поскольку иностранцы в Японии не имели права не только изучать исторические документы и архивы, но даже просто узнавать что-либо от местных жителей. По этой причине они излагали лишь то, что видели собственными глазами. Таким образом, данный этап можно назвать **протонаучным**. Его значение состоит в том, что были даны основные оценки бакуфу и его социальной опоре, которые серьёзно повлияли на последующие точки зрения.

Негативная оценка роли военной аристократии в истории Японии преобладала на протяжении всего указанного периода (уже Кемпфер упоминал о разрушительности междоусобиц военных феодалов [1, App., p. 65]). Но с начала XIX в. даймё начали восприниматься как жертвы сёгуната и его системы заложничества [3, p. 80; 4, p. 13], равно как и важные политические фигуры, компетентные в своём деле и уравновешивающие центральную власть [5, p. 48], в адрес же сёгуната стало звучать больше критики.

На наш взгляд, эти перемены были обусловлены следующими причинами. Во-первых, наметился кризис системы Токугава бакуфу, в связи с чем нейтральные и положительные отзывы о сёгунате, относящиеся к периоду его расцвета, сменились на отрицательные. Во-вторых, скорректировать выводы иностранцев могла бóльшая доступность информации. В-третьих, в начале XIX в. Япония попала в сферу европейских интересов на Дальнем Востоке, и теперь её рассматривали как потенциального участника международных отношений, подходя с позиции системы ценностей и правил игры европейской политики. Взгляд на Японию как на вероятного партнёра делал сёгунат и его стратегию самоизоляции помехой для контакта и полноценного сотрудничества. Возникли резко негативные оценки института военной власти, которые сохранялись в период бакумацу (1853–1869 гг.), что тоже имеет вполне прозаичную причину: соглашения с европейскими державами привели к росту ксенофобии и убийствам иностранцев. Правители из рода Токугава, не способные или не желающие обуздать подобные общественные настроения, рассматривался как олицетворение этих беспорядков и отмирающий политический институт, военная аристократия же, разделившаяся в выборе пути выхода из кризиса, получала противоречивые оценки. Кроме того, с открытием страны связано заимствование достижений европейского прогресса не только в науке и технике, но и в общественно-политической жизни, разрушение некогда консервированных, а теперь безнадежно устаревших порядков, не устраивавших абсолютное большинство населения. Перечисленные причины обрекли сёгунат на критику со стороны европейцев почти до конца протонаучного этапа.

Если отношение европейцев к сёгуну и даймё легко выводится из политической обстановки, то позиция по поводу рядовых самураев не столь очевидна. Ещё Кемпфер отмечал, что они «не являются ни знатью по рождению, ни наёмниками» [1, p. 396], Тунберг называл их «лицами при исполнении служебных обязанностей, которые носят два меча» [2, p. 116]. Иными словами, уже в XVIII в. при всей стабильности сёгуната положение самураев, с точки зрения европейца, не было высоким, а характер службы и образ жизни заставлял воспринимать их не как дворян, а как не заслуживающих пристального внимания бюрократов. Областью наивысшего интереса первых визитёров были принципы государственного устройства и высшая знать, а не рядовые воины. Последние же давно страдали от нехватки средств, невозможности заниматься предпринимательством и т. д. и в глазах иностранцев сливались с недовольными массами.

После Реставрации Мэйдзи произошли кардинальные изменения условий для тех, кто желал изучать историю Японии. Императорское правительство налаживало не только политические, но и культурные связи, следствием чего

стали открытие доступа к историческим документам, сотрудничество в области науки и образования.

В это время, когда призрак сёгуната ещё был слишком угрожающим, взявшая реванш императорская власть стремилась к легитимации среди европейских партнёров, которые теперь обеспечивали Японию новейшими техникой и технологиями. Между тем после лишения привилегий самураев, служивших опорой сёгуната, и поражения Сайго Такамори в Сацумской войне 1876 г. стало очевидно, что реанимировать старые порядки не удастся. В итоге к 80-м годам XIX в. сёгунат стал реликтом, больше не нуждавшимся в дополнительной дискредитации. Это дало возможность беспристрастно рассмотреть его как историческое явление. Так, в середине 70-х годов появилось признание некоторой положительной его роли: например, в сохранении длительного мира в эпоху Эдо [6, р. 5; 7, р. 214] или культивировании военного духа нации [8, р. 96]. Распространялась идея, что сёгун всегда был должностным лицом императора, временным исполнителем его обязанностей [9, р. 337; 10, р. 243; 11, р. 235]. Сёгунат стали рассматривать как почву, на которой современная Япония смогла выстроить свой прогресс: столетия мира при Токугава бакуфу помогли японцам сконцентрировать национальные силы и направить их в нужное русло под властью прогрессивного современного правительства.

Причины этой реабилитации кроются также в том, что императорской власти необходимо было признать законными свои предыдущие решения (особенно те, к которым её принудили), представить прошлое как единый, органично развивавшийся процесс, а Реставрацию 1868 г. – как закономерность. Для этого сёгунат должен предстать перед современниками нормальным историческим этапом, который подвёл Японию к прогрессу и победам конца XIX – начала XX в. Идея сильного сёгуна, наделённого полномочиями самим императором, утверждала мысль о том, что история величия страны начинается не с 1868 г., а намного раньше. Таким образом, наличествовала фальсификация прошлого с целью поднятия авторитета института императорской власти и выведения преемственности между современными достижениями Японии и её особенностями времён расцвета военной эпохи.

Другим фактором, изменившим восприятие старой государственной системы, можно назвать становление научного подхода к изучению Японии. После Реставрации японская система науки и образования, как и другие общественные сферы, стала открытой и для заимствований, и для сотрудничества с иностранными исследователями. Ранее об этой стране преимущественно писали заложники конъюнктуры – военные, дипломаты, политики. Теперь же на арену вышли учёные – У.Дж. Астон, Дж.Х. Габбинс, У.Э. Гриффис и др., труды которых могли претендовать на объективность. Многие архивы были открыты, что впервые дало западным историкам возможность делать выводы не только на основании эмпирических сведений. Начинается изучение феодальных отношений и военного сословия на страницах журнала Азиатского общества Японии (см. [8; 12–14]). Всё это позволяет назвать данный период **ранненаучным**.

Отношение европейцев к военной знати, как было сказано выше, менялось под влиянием тех же факторов, что и отношение к бакуфу. Сразу после Реставрации утвердилось мнение о даймё как о потомках неблагородных, но удачливых

авантюристов смутных времён, которые узурпировали положение аристократии, потеснив кугэ. Делался акцент на том, что положение последних легитимно, а даймё – такое же негативное порождение феодального времени, сдерживающее развитие Японии и мешающее объединению страны, как и сёгунат [6, р. 3; 11, р. 212; 15, р. 9; 16, р. 9; 17, р. 112; 18, р. 264].

После свержения Токугава появляются попытки изучить историю самурайства и понять роль этого феномена в прошлом Японии, её государственном строительстве. Утверждается термин «самурай», а прочие выходят из употребления. Следует отметить, что наибольший всплеск негативных оценок самурайства приходится на период между Реставрацией Мэйдзи и началом войн Японии с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905). В это время самураи, пережившие отмену привилегий, составили маргинальную прослойку, которая дискредитировала облик благородного японского воина; при этом всё ещё не было глобально значимого подтверждения успешности реформ. Вполне ожидаемо, что в таких условиях критике часто подвергались те общественные явления, которые представляли угрозу для модернизации. Так, было популярно отождествление самураев с эпохой, препятствовавшей прогрессу; звучали упреки в их бездеятельности и иждивенчестве; отмечалось, что средства, выплачиваемые им, разумнее было бы потратить на развитие важных и актуальных отраслей народного хозяйства [6, р. 247; 15, р. 150; 19, р. 76]. Самураев обвиняли в том, что они являются взрывоопасным, неуправляемым, маргинальным элементом общества, вносящим смуту и хаос в социальное устройство [20, р. 341; 21, р. 145]; не соответствуют идеалу, о котором рассказывают древние книги и неписанные кодексы [22, р. 21]; противостоят западному присутствию, убивая иностранцев, и в целом создают нездоровую, враждебную обстановку в стране [15, р. 282; 20, р. 352]. Причина такого отношения очевидна: и даймё, и самураи воспринимались как олицетворение сёгуна. Если последний как политический режим уже забывался, то его носители, по мнению учёных, всё ещё оказывали негативное влияние.

Другой нюанс состоит в том, что в Европе феодальная система уже давно исчезла и обнаружение её в живом, пусть и не вполне здравствующем, виде в XIX в. вызывало у иностранных авторов если не потрясение, то недоумение. Этому способствовали крайняя отгороженность Японии от внешнего мира и грубость тех нравов, которые застали первые европейцы. Негативные черты сёгуна Токугава (жестокое законодательство, высокая степень регламентации общественной жизни) делали этот институт в глазах западных людей, уже живших по стандартам парламентаризма, равенства и гуманизма, абсолютно неприемлемым. Такой взгляд распространялся, естественно, на даймё и самураев, причём первых чаще связывали с возможностью возрождения сёгуна, тогда как вторые во многих случаях рассматривались как жертвы режима, представляющие угрозу не политической, а социальную. В силу этого изучение самурайства в меньшей степени зависело от политической конъюнктуры. Кроме того, их представители не были однородной политической силой (далеко не все восприняли произошедшие перемены с энтузиазмом), и неудивительно, что упреки в отношении военного сословия так разнообразны, а аргументы в защиту однородны.

После 1894 г. вновь возник вопрос о роли самурайства в прошлом и настоящем Японии, а история военной аристократии потеряла актуальность вместе с утратой даймё монополии на высшие государственные должности. Последний факт стал решающим для смещения исследовательского внимания с верхушки военного сословия на рядовое самурайство. С укоренением новых общественных институтов отпала необходимость в резкой критике старых.

Самой злободневной в это время стала тема военного триумфа Японии, доказавшего всем общественным и политическим силам как внутри страны, так и за её пределами, что установившееся правительство результативно, а значит, обрело авторитет. Победы над Китаем и Россией потрясли весь мир и вызвали новый виток интереса к маленькой островной стране, за несколько десятилетий совершившей социально-экономический и политический рывок. Зарубежные аналитики видели секрет успеха в национальных особенностях, главной из которых признавалась культура самураев с их боевым духом, заключавшим в себе клановость, патриотизм, поддержку традиций военного сословия [16, р. 172; 23, р. 108]. Вышеупомянутым войнам посвящаются произведения, в которых самураи предстают в выгодном свете, их героизм, преданность, военная доблесть романтизируются (см. [11; 25–29]). По количеству такого рода работы затмевают научные изыскания. В связи с этим можно констатировать, что с 1894 г. начинается **научно-популяризаторский** этап.

На подъём интереса к самурайскому мировоззрению повлиял также выход в 1900 г. книги Инадзо Нитобэ (1862–1933) «Бусидо. Душа Японии» [24]. Автор, человек прогрессивных западных взглядов, открыл для европейцев этику и философию японских воинов, коренные традиции Страны восходящего солнца. Книга была неоднозначно встречена в среде соотечественников, но для западного мира стала бестселлером (впрочем, она изначально была написана на английском языке), а сам Нитобэ – популярной личностью среди исследователей Японии. В этом сочинении осуществлена попытка скорректировать популярный в иностранных работах утилитарный подход к самурайству, показать западному миру сущность данного феномена с точки зрения японцев. С другой стороны, книга Нитобэ конъюнктурна и проводит интересы японского правительства, которое взяло курс на экспансию и нуждалось в соответствующей идеологии.

Если в рамках ранненаучного периода исследователи, в целом негативно оценивая самураев, всё же называли их хранителями культуры, традиций, образования, то на новом этапе утвердилась следующая мысль: именно из их среды вышла передовая интеллигенция, способствовавшая модернизации страны [20, р. 303], а даймё и сёгун не сыграли в обновлении общества значимой роли. Сформировалась идея, что дело реформирования страны находится в руках образованных самураев, которые, будучи неизбалованными привычками двора, поняли необходимость изменений и европеизации.

Другая тенденция научно-популяризаторского этапа заключается в том, что чаще затрагивается тема трагедии самурайства: ко второй половине 90-х годов XIX в. в нём видят не только угрозу развитию, но и жертву прогресса. Рост сочувствия к самураям, безусловно, связан с увеличением интереса к их культуре и кодексу чести.

Таким образом, положительная интерпретация роли самураев с их особой системой ценностей в истории Японии обусловлена, с одной стороны, снижением реакционистских настроений в их среде, а с другой – удивительным для Запада военным триумфом страны. Этот успех надолго обеспечил неугасающий интерес европейцев к самурайству, который вырос по иронии судьбы в то время, когда сами представители военного сословия исчезли с исторической сцены.

Литература

1. *Kaempfer E.* The History of Japan: in 2 v. – London: T. Woodward, Ch. Davis, 1727. – V. 2. – P. 393–612 + Appendix: P. 1–75.
2. *Thunberg C.P.* Travels in Europe, Asia and Africa Made During the Years 1770 & 1779 // Screech T. Japan Extolled and Decried. Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796. – London; N. Y.: Routledge, 2005. – P. 66–218.
3. *Kaempfer E.* The History of Japan: in 2 v. – London: T. Woodward, Ch. Davis, 1727. – V. 1. – P. 1–392.
4. *Perry M.C.* Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan: Performed in the Years 1852, 1853, and 1854. – Washington: Beverley Tucker, 1856. – 762 p.
5. *Shoberl F.* Japan: Containing Illustrations of the Character, Manners, Customs, Religion, Dress, Amusement, Commerce, Agriculture etc. of the people of that empire. – London: Ackermann, 1823. – 286 p.
6. *Mounsey A.H.* The Satsuma Rebellion. – London: J. Murray, 1879. – 294 p.
7. *Reed E.J.* Japan; its History, Traditions, and Religions, with the Narrative of a Visit in 1879. – London: J. Murray, 1880. – 444 p.
8. *Gubbins J.H.* Hideyoshi and the Satsuma Clan in the Sixteenth Century // Transactions of the Asiatic Society of Japan. – 1880. – V. 8. – P. 92–143.
9. *Northrop H.D.* The Flowery Kingdom and the Land of the Mikado, or, China, Japan and Corea. – Toronto: Winston, Phillips, 1894. – 702 p.
10. *Temple R.* Progress of India, Japan and China in the Century. – London; Toronto: Linscott, 1900. – 556 p.
11. *White T.* The War in the East. Japan, China, and Corea. A Complete History of the War. – Philadelphia: P.W. Ziegler, 1895. – 673 p.
12. *Aston W.G.* Hideyoshi's Invasion of Korea // Transactions of the Asiatic Society of Japan. – 1878. – V. 6. – P. 227–245.
13. *Gubbins J.H.* The Feudal System in Japan under Tokugawa Shoguns // Transactions of the Asiatic Society of Japan. – 1887. – V. 15. – P. 131–142.
14. *Hall J.C.* Japanese Feudal Law: The Institutes of Judicature // Transactions of the Asiatic Society of Japan. – 1906. – V. 34. – P. 1–44.
15. *Black J.R.* Young Japan: Yokohama and Yedo. – N. Y.: Baker Pratt; London: Trubner, 1883. – V. 1. – 450 p.
16. *Brinkley F.* Japan. Its History, Arts and Literature. – Boston; Tokyo: J.B. Millet, 1901. – V. 2. – 364 p.
17. *Chamberlain B.H.* Things Japanese: being notes on various subjects connected with Japan for the use of travellers and others. – London: J. Murray, 1905. – 578 p.
18. *Griffis W.E.* The Japanese Nation in Evolution: Steps in the Progress of a Great People. – N. Y.: T.Y. Crowell, 1907. – 408 p.

19. *Adams F.O.* The History of Japan from the Earliest Period to the Present Time. – London: H.S. King, 1874. – V. 1. – 506 p.
20. *Murray D.* Japan. – London: T.F. Unwin; N. Y.: G.P. Putnam's sons, 1894. – 431 p.
21. *Eden C.H.* Japan, Historical and Descriptive. – London: Marcus Ward, 1877. – 326 p.
22. *Lanman C.* Leading Men of Japan, with an Historical Summary of the Empire. – Boston: D. Lothrop, 1883. – 421 p.
23. *Dyer H.* Japan in World Politics, a Study in International Dynamics. – London: Blackie & Son, 1909. – 425 p.
24. *Nitobe I.* Bushido: The Soul of Japan. – Philadelphia: Leeds & Biddle, 1900. – 127 p.
25. *Eastlake F.W., Yamada Y.* Heroic Japan: A history of the War between China & Japan. – London: S. Low, Marston, 1897. – 616 p.
26. *Everett M.* Exciting Experiences in the Japanese-Russian War. – Chicago: Educ. comp., 1904. – 432 p.
27. *Seaman L.L.* The Real Triumph of Japan: The Conquest of the Silent Foe. – N. Y.: D. Appleton, 1906. – 291 p.
28. *Tyler S.* The Japan-Russia War: An Illustrated History of the War in the Far East, the Greatest Conflict of Modern Times. – Philadelphia: P.W. Ziegler, 1905. – 580 p.
29. *Unger F.W.* The Authentic History of the War between Russia and Japan. – Philadelphia: World Bible house, 1905. – 480 p.

Поступила в редакцию
22.11.16

Павловская Елизавета Анатольевна, аспирант кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: pavlovskayaea89@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 6, pp. 1487–1496

**Western Scholars on Samurai: Stages in Studying the Japanese Military Estate
of the 18th – Early 20th Century**

E.A. Pavlovskaya

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: pavlovskayaea89@gmail.com

Received November 22, 2016

Abstract

The paper is devoted to the study of the military estate of Japan by British and American scholars since the discovery of the country in 1853 until the World War I. Their transactions are valuable because the authors wrote about samurai during the period when they existed. In Russia these works have not attracted attention of scholars. The paper is aimed at analyzing the first scientific and journalistic works from the point of view of their evaluation of samurai, as well as the origin of scientific study of Japanese history.

In this period three stages were identified. 1) Protoscientific (until 1869). Lack of terminology and single perception of the Japan history, inaccessibility of sources, and, as a consequence, inaccuracy of information. The focus of attention of Europeans was the shogunate and the daimyo. 2) Early scientific (1869–1894). The beginning of cooperation between Western and Japanese scientists, active work of the founders of western Japanese studies – E. Satow, W. Aston, B.H. Chamberlain, W.E. Griffis, et al. The beginning of the “Asiatic Society of Japan”. The rise of interest in samurai as a marginal stratum of society. 3) Popular-science (1894–1914). Japan military victories led to an increase in the number of popular literature about the Sino-Japanese and Russo-Japanese war and, as a result, the interest in samurai and their ethics has increased.

Keywords: samurai, Japan history, historiography

References

1. Kaempfer E. *The History of Japan*. Vol. 2. London, T. Woodward, Ch. Davis, 1727. 393–612 p. Appendix, pp. 1–75.
2. Thunberg C.P. Travels in Europe, Asia and Africa made during the years 1770 & 1779. In: Screech T. *Japan Extolled and Decried. Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796*. London, New York, Routledge, 2005, pp. 66–218.
3. Kaempfer E. *The History of Japan*. Vol. 1. London, T. Woodward, Ch. Davis, 1727. 1–392 p.
4. Perry M.C. *Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan: Performed in the Years 1852, 1853, and 1854*. Washington, Beverley Tucker, 1856. 762 p.
5. Shoberl F. *Japan: Containing Illustrations of the Character, Manners, Customs, Religion, Dress, Amusement, Commerce, Agriculture etc. of the People of that Empire*. London, Ackermann, 1823. 286 p.
6. Mounsey A.H. *The Satsuma Rebellion*. London, J. Murray, 1879. 294 p.
7. Reed E.J. *Japan; Its History, Traditions, and Religions, with the Narrative of a Visit in 1879*. London, J. Murray, 1880. 444 p.
8. Gubbins J.H. Hideyoshi and the Satsuma clan in the sixteenth century. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, 1880, vol. 8, pp. 92–143.
9. Northrop H.D. *The Flowery Kingdom and the Land of the Mikado, or, China, Japan and Corea*. Toronto, Winston, Phillips, 1894. 702 p.
10. Temple R. *Progress of India, Japan and China in the Century*. London, Toronto, Linscott, 1900. 556 p.
11. White T. *The War in the East. Japan, China, and Corea. A Complete History of the War*. Philadelphia, P.W. Ziegler, 1895. 673 p.
12. Aston W.G. Hideyoshi's invasion of Korea. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, 1878, vol. 6, pp. 227–245.
13. Gubbins J.H. The feudal system in Japan under Tokugawa shoguns. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, 1887, vol. 15, pp. 131–142.
14. Hall J.C. Japanese feudal law: The institutes of judicature. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, 1906, vol. 34, pp. 1–44.
15. Black J.R. *Young Japan: Yokohama and Yedo*. Vol. 1. New York, Baker Pratt; London, Trubner, 1883. 450 p.
16. Brinkley F. *Japan. Its History, Arts and Literature*. Vol. 2. Boston, Tokyo, J.B. Millet, 1901. 364 p.
17. Chamberlain B.H. *Things Japanese: Being Notes on Various Subjects Connected with Japan for the Use of Travellers and Others*. London, J. Murray, 1905. 578 p.
18. Griffis W.E. *The Japanese Nation in Evolution: Steps in the Progress of a Great People*. New York, T.Y. Crowell, 1907. 408 p.
19. Adams F.O. *The History of Japan from the Earliest Period to the Present Time*. Vol. 1. London, H.S. King, 1874. 506 p.
20. Murray D. *Japan*. London, T.F. Unwin; New York, G.P. Putnam's sons, 1894. 431 p.
21. Eden C.H. *Japan, Historical and Descriptive*. London, Marcus Ward, 1877. 326 p.

22. Lanman C. *Leading Men of Japan, with an Historical Summary of the Empire*. Boston, D. Lothrop, 1883. 421 p.
23. Dyer H. *Japan in World Politics, a Study in International Dynamics*. London, Blackie & Son, 1909. 425 p.
24. Nitobe I. *Bushido: The Soul of Japan*. Philadelphia, Leeds & Biddle, 1900. 127 p.
25. Eastlake F.W., Yamada Y. *Heroic Japan: A History of the War between China & Japan*. London, S. Low, Marston, 1897. 616 p.
26. Everett M. *Exciting Experiences in the Japanese-Russian War*. Chicago, Educ. Comp., 1904. 432 p.
27. Seaman L.L. *The Real Triumph of Japan: The Conquest of the Silent Foe*. New York, D. Appleton, 1906. 291 p.
28. Tyler S. *The Japan-Russia War: An Illustrated History of the War in the Far East, the Greatest Conflict of Modern Times*. Philadelphia, P.W. Ziegler, 1905. 580 p.
29. Unger F.W. *The Authentic History of the War between Russia and Japan*. Philadelphia, World Bible House, 1905. 480 p.

⟨ **Для цитирования:** Павловская Е.А. Западные исследователи о самураях: этапы изучения японского военного сословия в XVIII – начале XX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1487–1496. ⟩

⟨ **For citation:** Pavlovskaya E.A. Western scholars on samurai: Stages in studying the Japanese military estate of the 18th – early 20th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1487–1496. (In Russian) ⟩